

Н. У. УЛАГАШЕВ И ЕГО БЫЛИНЫ

I.

30 января 1946 г. в г. Ойрот-Тура умер сказитель Николай Улагашевич Улагашев.

Он был самым известным сказителем на Алтае. Его, слепого кайчи, знали не только в лесистой долине Сары-Кокши, где он провел почти всю свою долгую жизнь, но и в верховьях Бии, и в ущельях Катунь, и на берегах Золотого озера. К нему приезжали всадники из дальних долин послушать былины о подвигах богатырей.

Н. У. Улагашев прожил долгую и трудную жизнь. Из 85 лет он семьдесят пять провел в дымной и холодной юрте. Писатель П. В. Кучияк, близко знавший Н. У. Улагашева, говорил о его жизни:

«Тяжела и безрадостна была раньше жизнь таежного алтайца охотника. Все, что давал богатый и щедрый Алтай, отбирали у него родовые князьки-зайсаны, баи, купцы. Нищета, болезни, оскорбления и побои сопутствовали беднякам алтайцам на протяжении всей их жизни.

Из всех детей бедняка-охотника Улагаша выжил только один — Николай. Природа наделила его богатырской силой и памятью — чистой, глубокой, как воды Золотого озера Алтын-Коль. С восьми лет он уже помогал отцу во всех домашних делах, а с девяти встал на лыжи и пошел с ним на охоту.

Там-то, в тайге, долгими зимними ночами у костра зарождалась в нем любовь к родным алтайским сказкам-чорчок».

Н. У. Улагашев часто вспоминал своего учителя, знаменитого бродячего кайчи Кобака Тадыгжекова. Однажды во время кедрового промысла на стану Улагашева появился Кобак, желанный гость. Его спросили, где он гостил последние недели, почему его не было видно в родных местах. Он ответил:

— Лежал: спину заживлял...

И он рассказал, что дней двадцать тому назад его, бродячего кайчи, вызвали к зайсану Тобокову в село Карасук.

— Отказывается платить!.. — крикнул сборщик податей и толкнул Тадыжекова к ногам старшины, сидевшего на коврах. — На колени, подлый!..

— Отказывается? — переспросил зайсан, выбивая о носок сапога пепел из трубки; заметил в руках Тадыжекова самодельный топшур, поднял глаза и воскликнул с нескрываемым злорадством:

— О-о, да это тот самый, который про богатых поет нехорошее!

— Он самый.

— Сколько за ним?

— Три рубля.

— За каждый рубль — по десять плетей, — распорядился зайсан и зазвенел кисетом, украшенным золотыми подвесками. — За худые песни ему еще прибавьте...

Тадыжеков оборвал свой рассказ и попросил табаку.

— Ну и как сейчас? Не поешь? — спросили его.

— Песню убить нельзя, — ответил кайчи. — Они все, эти злые зайсаны умрут, а песня останется. И я умру — песня моя будет жить.

Молодой Улагашев, тогда еще зрячий человек, смотрел на знаменитого кайчи широко открытыми глазами и вспоминал наказ своего отца:

Слово старика в мешок прячь,
Слово умного в карман клади,
Слово мудрого за пазуху заткни.

Н. У. Улагашева тоже ненавидели зайсаны. Ненавидели потому, что богатырские былины, исполняемые им, были для них не медом, а горьким перцем. Улагашев воспевал защитников бедноты и высмеивал, порицал баев и зайсанов.

«Николай Улагашев, — писал П. В. Кучияк, — на всю жизнь запомнил тяжелую нагайку зайсана Темея, рубцы от нее еще и до сих пор не огладились на его теле».

Улагашев остался верен себе: не изменил своему призванию народного певца-обличителя. И потому до революции жизнь его была трудной.

«Ни богатырская врожденная сила, — читаем мы в очерке П. Кучияка «В гостях у кайчи», — ни золотой дар кайчи не спасли Николая Улагашева от горькой доли бедняка-охотника. Как бы

удачно ни шла охота, как бы много ни убивали они с отцом белок, горностая и соболя, семья никогда не могла избавиться от нужды и долгов. Вечное недоедание, непосильный труд, холодный и дымный аил... В шестнадцать лет Николай заболевает трахомой и навсегда лишается зрения. Единственной радостью в жизни ему остается сказка.

Чудесная, жизнетворная алтайская народная сказка!.. В ней безногие вновь обретают ноги, слабые и хилые становятся молодыми и сильными, обездоленные бедняки побеждают зайсанов и ханов, слепым возвращается зрение. Песни и сказки помогали бедноте переносить лишения и невзгоды, в них через все бури и грозы ойротский народ пронес свою пылкую мечту о счастье, сбывшуюся в Великую Октябрьскую революцию»¹.

2

В 1934 году Н. У. Улагашев со всей семьей вступил в колхоз «Чолмон Алтая», и жизнь его стала иной. В колхозе для слепого старика, любящего труд, нашлась легкая и хорошая работа: он плел плет и узды. За этой работой он мог с утра до вечера рассказывать малышам, всегда окружавшим его, народные сказки и петь свои любимые песни. Он слагал песни о новой жизни:

Дружный труд нам богатство принес
В колхозном своем единенье.
Вырос наш малочисленный скот.
Табуны — точно реки в разливе.
И страдавший когда-то народ
Зажил жизнью богатой, счастливой.

В 1937 году к Н. Улагашеву приехал П. В. Кучияк, знаток героического эпоса своего народа. С ним приехала московская фольклористка Анна Гарф. Они записали от Н. Улагашева несколько народных сказок: «Счастливого Рысту», «Пып и тап-тажлан», «Алып-Манаш»² и др. Об Н. Улагашеве узнали в Москве. Вместе с другими выдающимися сказителями правительство наградило его орденом «Знак Почета».

Н. Улагашев переехал в город Ойрот-Тура, стал выступать в национальном театре и по радио.

Народные былины, исполняемые сказителем, всегда радовали слушателей могучими, обаятельными образами богатырей, яркостью

¹ Павел Кучияк. «В гостях у кайчи», журнал «Октябрь», № 5—6, 1939 г.

² Сборник «Сказки Алтая», Новосибирск, 1937 г. А. Гарф. П. Кучияк. «Алтайские сказки», Москва, 1939 г.

красок, величественностью и гиперболичностью сравнений. В этих древних произведениях была сила трудового народа, его осуществленная мечта о свободной жизни, о равенстве, о покорении сил природы. Это был эпос, бытовавший столетиями у пастушьих и охотничьих костров.

П. Кучияк, Н. Куранаков и другие знатоки алтайского эпоса записали былины Н. Улагашева и опубликовали на родном языке. С их участием некоторые из этих былин были переведены на русский язык и вошли в первый том эпических произведений, записанных ст Н. Улагашева¹. Одна из сказок Н. Улагашева — «Уч-Кыс» («Три девицы») была инсценирована П. Кучияком и поставлена на сцене Ойротского национального театра. Спектакль, в котором участвовал в качестве основного актера автор инсценировки, пользовался большим успехом.

Н. Улагашев, как выдающийся хранитель и исполнитель эпоса своего народа, стал известен далеко за пределами Ойротской автономной области.

3

Еще совсем недавно все исследователи, занимавшиеся фольклором алтайцев, называли произведения героического эпоса сказками. Это неправильное наименование идет от Г. Н. Потанина, записывавшего алтайские народные произведения, чаще всего, не в их настоящем виде, а в пересказах переводчиков. Его примеру следовали и другие путешественники, занимавшиеся фольклором алтайцев. Первые книги алтайского эпоса, вышедшие при нашем участии², тоже назывались книгами сказок. Эта ошибка произошла, видимо, потому, что в алтайском языке для определения и сказок и былин существует одно слово — чорчок, хотя исполнители их называются по-разному. П. Кучияк пытался внести некоторую ясность в этот вопрос:

«Все алтайские или ойротские, что одно и то же, сказки, — писал он, — можно разделить на две группы. Небольшая бытовая сказка обычно слагается прозой и рассказывается без музыкального сопровождения. Исполнителя таких сказок называют сказочником — чорчокчи. Вторая группа — сказки героические, о могучих богатырях. Они слагаются ритмическим белым стихом. Исполняют их под аккомпанемент двухструнного топшура, горганным пением — каем. Отсюда и название исполнителя — кайчи»

¹ Н. У л а г а ш е в. «Алтай-Бучай». Новосибирск, 1941 г.

² «Алтайские сказки», Новосибирск, 1937 г.

Эта «вторая группа» — былины в полном понимании этого слова: по содержанию — героические приключения, по форме — поэмы. Произведениям этого жанра обычно предшествуют запевки. Сказитель садится на ковер, берет в руки самодельный топшур, ударяет пальцами по волосяным струнам и начинает:

Из корня могучего кедра не зря
Тебя сделали, звонкий топшур!

Он хвалит свой музыкальный инструмент и тут же просит его:

Из крепкого дерева, что на скалах растет,
Тебя сделали, звучный топшур!
Народ мой ликует, народ мой поет,
Так весело пой же и ты, мой топшур!

После этого он начинает кайларить — петь низким гортанным голосом. Концы фраз он растягивает. Временами в его голосе слышится что-то похожее на звуки тугой шерстобитной струны. Временами кажется, что в юрте летает большой шмель.

После исполнения былины — традиционная концовка: сказитель прощается с богатырем и говорит ему, что «от себя ничего не прибавил», а спел только то, что «в народе слышал».

Читая былины алтайцев, мы часто вспоминаем произведения этого жанра, бытующие у казахов и даже наши русские былины. Между ними очень много общего. Об этом подробно, с приведением множества параллельных текстов, говорит академик А. С. Орлов в книге «Казахский героический эпос».¹ Сравнивая эпос казахского народа и, отчасти, других тюркских народностей с русскими былинами, он обращается и к эпическим произведениям, записанным от Н. Улагашева и опубликованным нами в его первом томе — «Алтай-Бучай».

Академик А. Орлов, первый из всех исследователей, правильно назвал героические произведения алтайского народа былинами и нашел в них много общего с казахским и русскими былинным эпосом.

4.

Значение устных произведений в жизни народа огромно. Академик Ю. М. Соколов писал о русской народной сказке:

«Сказка является фактом глубоко социальным. Если песню можно спеть для себя, то сказка, ~~жизнь~~ рассказ, обязательно предполагает аудиторию слушателей, для которых она и рассказывает-

¹ Книга вышла в издательстве Академии наук СССР в 1945 г.

ся. Сказка выполняет очень важную общественную функцию, будучи неразрывно связана с общественным, артельным трудом, часто помогая и облегчая этот труд или давая заслуженный здоровый отдых, необходимый для самой продуктивности труда. Уже это одно заставляет исследователей народной жизни относиться с большой серьезностью и вниманием к сказке»¹.

Тем большее значение имеет былина: сказку только рассказывают, а былинку поют под аккомпанемент какого-нибудь народного музыкального инструмента. Это говорит о том, что эмоциональное воздействие былины на слушателей гораздо выше, чем сказки.

Былины всегда повествуют о событиях глубоко патриотических: защита родной земли от иноземных захватчиков, освобождение пленников, борьба с врагами и притеснителями народа. В них рассказывается о героических деяниях лучших представителей человеческого рода — богатырей, выражающих душу миллионов, стремления народа, его чаяния и надежды. Как правило, былины заканчиваются блестящей победой богатыря, торжеством справедливости, осуществлением мечты народа. Вот почему они так близки сердцу слушателей.

Владимир Ильич Ленин высоко ценил художественное, историческое и политическое значение устного народного творчества. В. Д. Бонч-Бруевич в статье «Ленин о литературе»² пишет:

«В. И., постоянно изучавший словарь русского языка Даля, который у него стоял на этажерке, заинтересовался поговорками и пословицами, которые там были приведены...

Не помню сейчас как, но перешел разговор на народный эпос, и когда я сказал, что у меня в библиотеке имеются довольно хорошо подобранные книги былин, народных песен и сказок, то он сейчас же спросил меня, могу ли я ему дать их просмотреть. Конечно, я с радостью выполнил эту просьбу. И уже в этот вечер я видел как Владимир Ильич внимательно читал «Смоленский этнографический сборник», составленный В. Н. Добровольским.

— Какой интересный материал, — сказал он мне, когда я на утро вошел к нему. — Я бегло просмотрел вот эти книжки, но вижу, что нехватает, очевидно, рук или желания все это обобщить, все это просмотреть под социально-политическим углом зрения, ведь на этом материале можно было бы написать прекрасные ис-

¹ Академик Ю. М. Соколов. «Русский фольклор», Москва 1941 г., стр. 306.

² Журнал «На литературном посту», 1931 г., № 4. В отрывках статья перепечатана в хрестоматии проф. Н. П. Андреева — «Русский фольклор», Ленинград, 1938 г.

следование о чаяниях и ожиданиях народных... Это доподлинное народное творчество, такое нужное и важное для изучения народной психологии в наши дни».

Все это может быть отнесено и к народному творчеству алтайцев, в частности — к их былинам. В героических поэмах — былинах этого народа мы видим не только живое свидетельство о далеком прошлом — о жизни, быте и борьбе дедов и прадедов, но и стремления народа, его чаяния и ожидания, его мечты о счастливой жизни для простых людей, осуществившиеся в наше время.

5.

В былинах Н. Улагашева, опубликованных в 1941 году, мы видим обаятельные образы богатырей, защищающих родную землю от нашествия захватчиков и освобождающих народ от вражеского плена. Богатыри в этих былинах всегда верны своему слову и глубоко преданы своему делу. В их сердцах глубоко развито чувство дружбы и товарищества — они всегда спешат на помощь к человеку, попавшему в беду.

В былинах, включенных в эту книгу, мы видим две основные темы: это — борьба богатырей с баями и ханами, грабящими народ, это — борьба с злыми духами и с самим злым богом Эрликом. Из этой борьбы богатыри, храбрые и самоотверженные представители народа, осуществляющие его чаяния и надежды, выходят победителями.

Страшный хан Кара-Кула

Много крови народной пролил,
Много богатырей погубил.

У одного бедного охотника Кара-Кула отнял шкуры убитых зверей да еще избил его так, что тот потерял сознание. Сын охотника — богатырь Сай-Солонг отправляется на стойбище Кара-Кулы. Там, повергнув правителя на землю, он спрашивает:

— От старости одряхлевшего,
Отца моего
За что ты бил?
Черную лису
С мягкой шерстью,
Черного бобра
С теплой шерстью
Зачем ты у него отнял?

Старого человека ты обижаешь,
Где твой ум?
Чужую добычу присваиваешь,
Где твоя совесть?
Ты, наверное, думал:
В рваной шубе бедняка
Не вырастет храбрый богатырь,
Под старым потником
Не вырастет богатырский конь?

С этими словами богатырь уничтожает злобного хана Кара-Кула. Одержав победу, он мог бы, как это делали феодалы, полонить народ, находившийся под властью Кара-Кула. Сай-Солонг не сделал этого. Он выступил, как освободитель, на защиту угнетенных. Увидев это, народ «по своей охоте» начал кочевать за ним.

Через некоторое время Сай-Солонг вступил в битву с силачом Сары-Беко, который грабил «вольный народ» и загубил шестьдесят богатырей. Себя Сары-Беко считал непобедимым. Богатырь Сай-Солонг, сын охотника, уничтожил силача-грабителя и только после этого «начал дышать свободно».

Богатырь Айтюнюке ведет смертный бой с двумя силачами-грабителями. Одному из них — Эр-Шожшылану он говорит во время схватки:

Не уважаешь старости ты,
Не хранишь младенцев и матерей,
Народ ты мучаешь в кабале,
Его имущество грабишь ты.
Если тебя, людоеда, жалеть —
Не будет счастливой жизни вовек
Народу, живущему на земле.

Схватка продолжалась долго, но вот тело злого насильника

Камнем мертвым легло в горах.
Избавился от неволи народ,
И радость повсюду расцвела.

В былинне «Малчи-Мерген» рассказывается о бае Айбычи, скот которого пасли сто сорок пастухов. Среди них был молодой пастух Малчи. Однажды он попросил у хозяина «плохонького коня», чтобы легче было пасти байские стада. Этого оказалось достаточно для того, чтобы хозяин рассвирепел. В припадке гнева он выпорол спротивого пастуха треххвостой плетью и слугам своим

приказал переломить ему ноги. Они так и сделали, думали — умрет безногий парень, брошенный на опустевшем старом стойбище. Но пастух нашел «живую траву», выздоровел, а когда вырос — стал богатырем. Он женился на седьмой дочери Арслан-каана. Шесть зятьев хана — богачи, седьмой — бедняк. Тесть ненавидит зятя-бедняка, а свояки злятся за то, что Малчи — хороший охотник. Они все еговариваются отравить Малчи ядовитой аракой. Но Малчи с помощью своей жены разгадывает их замысел и гневно говорит им:

Над тем, кто не издевался,
Вы издеваться вздумали —
Смертью за это поплатитесь.
Того, кто ближних не унижал,
Вы коварно унизили —
Головами за это ответите!

С этими словами он берет сосуд с отравленной аракой, которую злодеи предназначали для него, и поочередно вливает в рот всем своякам, тестю и гостю их баю Айбычи.

Этот сюжет нам уже знаком по былинне «Когутэй»¹. Там приемный сын бедняка — богатырь Кускун-Кара-Маатыр тоже уничтожает своего злого тестя хана Караты-каана и шестерых свояков-богачей, но он уничтожает их своим проклятием, т.е. магическим словом. Богатыри из былин Н. Улагашева не прибегают к заклинаниям, не занимаются магией слова — она им не нужна. Они — не колдуны, не шаманы, а люди большой силы, большого ума и большого сердца. В их руках как бы воплощена сила всего народа, в их действиях выражены ум и находчивость тех, кого они защищают. Вот почему богатыри из былин Н. Улагашева всегда уверены в том, что они делают правое дело. Их устами народ выражает свой приговор. Он не убивает своих противников, а как бы казнит их. Богатыри приводят приговор в исполнение; и народ отвечает на это бесконечным ликованием, вечной радостью.

Но, кроме ханов, живущих на земле, есть еще подземный хан — злой, страшный бог Эрлик. Бог, по определению А. М. Горького, «владыка владык». Он был нужен баям, зайсанам и ханам. «...бог, — говорил Горький, — не явился бы и не существовал бы так долго в житейском обиходе людей труда, если бы он не был сугубо полезен владыкам земным, эксплуататорам труда»². Людям труда не могли не понять, что, подобно владыкам земным, бог то-

¹ «Когутэй», Москва, Akademia, 1935 г.

² Доклад на съезде писателей в 1934 г.

же являлся их врагом. И когда они это поняли, они повели борьбу с «владыкой владык», появилось богоборчество, «воплощенное в образе Прометея, эстонского Калеви и других героев» эпоса.

В фольклоре тюркских народов тема связи владык земных с владыками небесными наиболее ярко выражена в шорской сказке «Ай-Маныс»¹. Злобный хан Кара-Салгыш, имеющий девять сердец, собирает с народа тяжелую дань. Сила хана в двух морях таится, одна из девяти душ его на третьем небе у старшего бога прячется. Богатырь Кан-Алып знает, что хана можно уничтожить только после того, когда будут побеждены его души. Богатырь отправляется на небо и требует, чтобы бог показал ему душу хана. Эта душа — «двуголавая змея, свернувшаяся в девять колец» — лежала у бога под замком в надежной пещере. Кан-Алып увез змею на землю и там уничтожил. Народ был освобожден от страшной неволи. Люди, платившие непосильную дань, получили свободу.

В горах Алтая тема богоборчества стала одной из самых любимых всеми сказителями. Богатыри алтайцев вступают в борьбу с Эрликом, окруженным многими родственниками — злыми духами. Целью своих походов в подземный мир богатыри ставят прекращение «разбоя», которым занимается злой бог, и освобождение пленников. Эту борьбу сказители всегда изображают долгой и жестокой. Богатыри, обычно, хватают Эрлика за бороду и вытаскивают из подземелья «на белый свет». Там его начинают пороть или плетью, или пучками шиповника, или сучьями боярышника, в зависимости от темперамента богатыря и настроения сказителя. Злой бог просит пощады, и с него берут клятву в том, что он больше никогда не будет «угонять людей в свое подземное царство». После этого его отпускают и заваливают вход в подземелье. Некоторые, наиболее веселые и озорные богатыри при этом еще ставят злому богу на лоб свое тавро или на голяшке его пишут свое имя. Но бог остается живым, — ведь он «создан для бессмертия». Герой быliny Н. Улагашева на этом не останавливается, не верит клятве злого и коварного бога, — понимает, что нет необходимости оставлять его, хотя как будто и обезвреженного, в живых. Вот как Н. Улагашев изображает исход борьбы:

Старый, злобный бог
Перед человеком не устоял.
Рожденный для бессмертия,
Эрлик-бий умер,
Созданный для вечной жизни

¹ Сказка будет опубликована в книге «Ай-Тола», подготовленной к печати А. Смердовым.